

Оценка факторов недоиспользования образования на сельском рынке труда*

С. Д. Капелюк^{1,2,3}, Е. Н. Лищук^{1,4}

¹ Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Российская Федерация, 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17

² Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

³ Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация, 630073, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20

⁴ Сибирский государственный университет водного транспорта, Российская Федерация, 630099, Новосибирск, ул. Щетинкина, 33

Для цитирования: Капелюк, С. Д., и Лищук, Е. Н. (2022) 'Оценка факторов недоиспользования образования на сельском рынке труда', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 38 (2), с. 285–314. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.206>

В статье анализируются детерминанты рисков недоиспользования образования на сельском рынке труда в сравнении с городским. Информационной базой исследования стали микроданные Обследования рабочей силы Федеральной службы государственной статистики за 2018 г. Гипотезы исследования заключаются в том, что основными факторами недоиспользования образования на сельском рынке труда выступают занятость в личном подсобном хозяйстве, семейное положение, ведение домашнего хозяйства и осуществление ухода за детьми. Авторами выполнены расчеты по уровням профессионального образования: высшее и среднее профессиональное (в разрезе специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих). На основе регрессионной модели бинарного выбора изучены детерминанты рисков недоиспользования образования. Установлено, что более высокий уровень недоиспользования образования характерен для ведущих личное подсобное хозяйство с целью продажи продукции. Значимыми факторами недоиспользования образования на сельском рынке труда выступают также пол; семейное положение; возраст; число членов домохозяйства; специальность полученного образования. Высокие риски недоиспользования образования имеют лица с иностранным гражданством; холостые мужчины; а также лица, проживающие в более крупных домохозяйствах. Выявлены значительные различия в детерминантах недоиспользования образования у специалистов и квалифицированных рабочих. Не определено существенной разницы в факторах недоиспользования образования среди специалистов высшего и среднего звена. Полученные результаты вносят вклад в изучение проблем дисбаланса на рынке труда в России.

Ключевые слова: сельский рынок труда, человеческий капитал, профессия, образовательно-профессиональное несоответствие, избыточное образование.

---

* Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика» № 121040100280-1.

Введение

Эффективное использование человеческого капитала выступает одним из основных условий обеспечения высоких темпов экономического роста. Это утверждение справедливо как для страны в целом, так и для отдельных ее территорий, в том числе сельских. Важным, но недостаточно изученным феноменом сельского рынка труда является масштабное недоиспользование человеческого потенциала сельских жителей. В проведенных исследованиях показано, что по сравнению с городом в сельской местности России выше доля специалистов с избыточным уровнем образования (Варшавская, 2017; Капелюк и Лищук, 2020).

Для преодоления сложившейся ситуации важно знать факторы, ее обусловившие. Анализ экономической литературы показал недостаточную изученность этого вопроса. В данной работе сделана попытка выявить такие детерминанты.

Сельский рынок труда в России характеризуется противоречивыми тенденциями. При ежегодном росте объемов производства сельскохозяйственной продукции постоянно сокращается численность занятых в сельском хозяйстве — основной сфере занятости сельского населения. Так, с 1998 по 2010 г. объем производства сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах вырос на 27,8 %, а численность занятых в сельском и лесном хозяйстве за этот же период сократилась на 26,9 %. С 2010 по 2019 г. объем производства сельхозпродукции в сопоставимых ценах вырос еще на 44,8 %, а численность занятых в сельском и лесном хозяйстве и рыболовстве сократилась на 21 %. При этом доля сельских работников, занятых в сельском хозяйстве, сократилась с 35,9 % в 2005 г. до 19,2 % в 2019 г.¹ Основными причинами столь парадоксальной ситуации, по мнению ученых, является реструктуризация и модернизация сельского хозяйства, в результате которых внедряются современные технологии, требующие меньших затрат труда (Аверкиева, 2016; Гимпельсон и Капелюшников, 2015; Едренкина и Гриценко, 2018; Калугина, 2012; Нефедова и Мкртчян, 2018).

В связи с недостаточным количеством рабочих мест в сельской местности многие жители находят работу в городе. Распространенными явлениями стали маятниковые трудовые миграции и отходничество — продолжительный отъезд в город на заработки. Отходниками чаще всего становятся мужчины преимущественно в возрасте 25–45 лет (Великий, 2010; Плюснин, Позаненко и Жидкевич, 2015). В городах отходников из сельской местности привлекают рабочие места охранников, уборщиков, подсобных рабочих, водителей, строителей, кассиров, продавцов, то есть такие, которые в своем большинстве относятся к неквалифицированному и полуквалифицированному труду (Великий, 2010; Плюснин и др., 2013).

Цель статьи заключается в определении детерминантов недоиспользования образования на сельском рынке труда в сравнении с городским. Под детерминантами недоиспользования образования в данном исследовании понимаются социально-экономические характеристики работников, наличие которых позволяет с большей вероятностью быть занятыми на рабочих местах, не требующих имеющегося

---

¹ Рассчитано авторами по: Российский статистический ежегодник. (2020) Стат. сб. / Росстат. М., 2019. Приложение «Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2019 гг.». Данные по динамике численности занятых в сельском хозяйстве скорректированы с учетом изменений в ОКВЭД.

уровня образования. Объектом анализа выступают занятые, проживающие в сельской местности. Предмет исследования — социально-демографические и экономические факторы риска недоиспользования образования сельских работников.

Новизна данного исследования состоит в том, что впервые изучены детерминанты недоиспользования образования на сельском рынке труда в России. В предыдущих исследованиях факторы недоиспользования образования рассматривались для рынка труда России в целом (Гимпельсон и др., 2009; Гимпельсон, Капелюшников и Лукьянова, 2011) либо для отдельных регионов без деления на городской и сельский рынок труда (Стукен, 2018). Среди изученных нами факторов много таких, которые ранее не анализировались применительно к российскому рынку труда, а два из них — занятость в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) и наличие пенсии — не рассматривались и в зарубежной литературе.

Исходя из логики проведенного исследования в статье выделены следующие разделы. В разделе 1 рассмотрены теоретические подходы к объяснению феномена недоиспользования образования на сельском рынке труда, проведен обзор эмпирических исследований детерминантов недоиспользования образования, сформулированы гипотезы исследования. В разделе 2 представлены информационная база и методология исследования. В разделе 3 дана описательная статистика различий между группами сельского населения по масштабам недоиспользования образования на сельском рынке труда. Раздел 4 описывает результаты проведенного эконометрического анализа. В разделе 5 представлено обсуждение полученных результатов с точки зрения соответствия теоретическим моделям и сравнение с результатами, полученными в других исследованиях. В заключении сформулированы выводы по итогам исследования.

1. Обзор теоретических и эмпирических исследований

Объяснение специфики сельского рынка труда зачастую опирается на теорию сегментированного рынка труда (Fields, 2009; Mueller, 2021). Согласно данной теории, рынок труда состоит из двух изолированных сегментов: ядра и периферии. Периферия представляет собой рабочие места с более низкой заработной платой, неблагоприятными условиями труда и нестабильной занятостью. Сельский рынок труда относят к периферии рынка труда, а необходимость территориальной мобильности выступает в роли барьера между периферией и ядром. В силу имеющихся барьеров лица с высоким уровнем образования могут остаться на периферии, при этом нехватка рабочих мест для лиц высшей квалификации будет способствовать росту масштабов недоиспользования образования.

Следует учитывать, что традиционная теория сегментации рынка труда мало популярна среди современных исследователей, однако идея о наличии сегментов на рынке труда нашла отражение в ряде моделей, представляющих определенный интерес в контексте данного исследования. На основе модели сегментации рынка труда Хаймера — Резника можно предположить, как экономический рост в сельской местности приводит к снижению доли занятых с высшим образованием. Согласно данной модели, экономическое развитие и рост доходов от продажи сельскохозяйственных товаров приводят к тому, что для сельских жителей становятся более доступными несельскохозяйственные товары, произведенные городскими

и зарубежными производителями, что, в свою очередь, снижает спрос на аналогичную продукцию местных производителей, вынуждая их сокращать работников (Humer and Resnick, 1969). Если предположить, что существенная доля занятых в несельскохозяйственном секторе имела профессиональное образование, снижение занятости и отток в сельскохозяйственный сектор будут способствовать росту недоиспользования образования.

В то же время оригинальную модель Хаймера — Резника сложно применить к российскому рынку труда, поскольку в России экономический рост сопровождался снижением доли сельских жителей, занятых в сельскохозяйственном секторе, а не ростом, как это предсказывается моделью. Объяснение данному феномену можно дать в рамках теоретической модели, предложенной в статье Г. Раниса и Ф. Стюарта. Отмечено, что с учетом неоднородности направление влияния экономического роста на занятость в несельскохозяйственном секторе может быть различным, в зависимости от влияния таких факторов, как макроэкономическая политика и равенство (Ranis and Stewart, 1993).

В ряде исследований отмечается, что сельскому рынку труда в большей степени присуща информационная асимметрия (Dumas, 2020; Foster and Rosenzweig, 1996). Наличие информационной асимметрии ухудшает мэтчинг между работниками и работодателями на рынке труда, что в итоге увеличивает масштабы несоответствия между образованием работника и требованиями работодателей.

Наконец, в литературе подчеркивается, что в силу ограниченных размеров локальных рынков труда в сельских поселениях сложнее достигается рыночное равновесие (Dumas, 2020). В связи с этим на сельском рынке труда специалистам труднее найти работу, что может в результате привести к более высокой вероятности недоиспользования образования.

Недоиспользование образования, или «избыточное образование» (в англоязычной литературе *overeducation*), возникает при избытке высокообразованных специалистов на рынке труда. Впервые термин «*overeducation*» был предложен Р. Фрименом в работе «*Overeducated American*» (Freeman, 1976). Фримен обратил внимание на рост числа обладателей вузовских дипломов в США и ухудшение их положения на рынке труда.

Первые попытки теоретического объяснения данного феномена опирались на теорию человеческого капитала. Отдельные авторы считают объяснение в рамках данной теории невозможным, поскольку, согласно теории, все работники с более высоким уровнем образования могут найти должность, на которой будут получать заработную плату, соответствующую своему уровню образования. Предполагается, что фирмы могут легко адаптировать производственный процесс к изменению образовательной структуры рабочей силы, в связи с этим недоиспользование образования может существовать лишь временно, при переходе из одного равновесного состояния рынка труда в другое (Dolton and Vignoles, 2000). Однако, по утверждению других авторов, избыточное образование может являться субститутутом неизмеряемых навыков, которые выступают важной составляющей человеческого капитала, и в этом ключе его наличие вполне согласуется с теорией человеческого капитала (McGuinness, 2006).

Кроме того, в литературе представлено несколько попыток дать объяснение избыточному образованию с точки зрения других теорий. Так, согласно модели

конкуренции за рабочие места (job competition model) Л. Туроу, недоиспользование образования возникает, когда соискатель в силу конкуренции на рынке труда вынужден претендовать на рабочее место, не соответствующее по уровню образования соискателя требованиям к навыкам и оплате труда (McGuinness, 2006). Схожее объяснение предлагается в рамках модели назначений на рабочие места (assignment model) (McGuinness, 2006).

По теории карьерной мобильности соискатель соглашается на должность, не соответствующую его уровню образования, рассчитывая на карьерный рост в дальнейшем (Leuven and Oosterbeek, 2011). Согласно теории предпочтений, индивиды, рассматривающие образование не как инвестиционное, а как потребительское благо, могут сознательно выбирать работу, не требующую имеющегося уровня образования (Leuven and Oosterbeek, 2011). В рамках теорий поиска и мэтчинга недоиспользование образования возникает в силу «трений» на рынке труда и представляет временное явление, поскольку работники продолжают дальше искать работу, соответствующую их квалификации (Leuven and Oosterbeek, 2011).

Вышеуказанные теории объединяет то, что они опираются на объяснение функционирования рынка труда на национальном уровне. В противоположность им в литературе выделяют пространственные теории, в которых ключевым фактором выступает размер локального рынка труда (Buchel and van Ham, 2003). В рамках этих теорий недоиспользование образования во многом объясняется пространственными ограничениями лиц, проживающих в местностях с локальным рынком труда малого размера.

В рамках большинства рассмотренных теорий сложно объяснить феномен более значительных масштабов недоиспользования образования на сельском рынке труда по сравнению с городским. Исходя из теории карьерной мобильности, более высокий риск недоиспользования образования должен быть характерен именно для городского рынка труда, поскольку в городах больше крупных организаций, в которых перспективно строить карьеру. С учетом того, что для сельского рынка труда в большей степени характерна информационная асимметрия, определенное объяснение рассматриваемому феномену могут предложить теории поиска и мэтчинга. На наш взгляд, наиболее убедительное объяснение дают пространственные теории, так как сельский рынок труда отличается от городского именно размером локального рынка труда. Дополнительным аргументом в пользу данных теорий выступают особенности, присущие российскому рынку труда: значительные расстояния, затрудняющие трудовую мобильность и усиливающие важность пространственных факторов.

Важный вклад в изучение недоиспользования образования на сельском рынке труда внесли Ф. Бюхель и Х. Батту (Buchel and Battu, 2003), которые исходят из того, что для большинства сельских жителей возможности поиска работы ограничены близлежащими населенными пунктами. Опираясь на теорию дифференцированной избыточной квалификации (differential overqualification) Р. Франка (Frank, 1978), Бюхель и Батту утверждают, что наиболее значительные масштабы недоиспользования образования среди всех категорий сельского населения должны быть характерны для замужних женщин. Используя данные по Германии, они лишь частично подтвердили данную теорию. Вклад Бюхеля и Батту заключается в том, что они одними из первых системно подошли к исследованию недоиспользования об-

разования на сельском рынке труда с помощью эконометрического инструментария, а также дали теоретическое обоснование наличию высоких масштабов недоиспользования у сельского населения.

В масштабном обзоре эмпирической литературы Э.Левена и Г.Остербека в число значимых факторов недоиспользования образования включаются пол, возраст, семейное положение и гражданство². Как отмечают указанные авторы, в исследованиях недостаточно внимания уделяется обоснованию выбора определенных переменных (Leuven and Oosterbeek, 2011). Другими факторами, которые отмечены в экономической литературе, выступают переменные, отражающие характеристики рабочих мест и социально-экономический статус работников (Belfield, 2010; Buchel and Battu, 2003; Chevalier and Lindley, 2009; Hung, 2008; Kucel, Molina and Raya, 2016; Rossen, Boll and Wolf, 2019).

В исследованиях, выполненных российскими учеными, значимыми факторами выступают: пол; возраст; семейное положение; количество детей; здоровье; место проживания; число лет обучения; специальность полученного образования. В исследовании В.Е. Гимпельсона и соавторов оценка недоиспользования образования проведена с привлечением данных Обследования рабочей силы Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за 2006 г. на основе Общероссийского классификатора занятий. В итоге более высокий уровень недоиспользования установлен у следующих категорий работников: мужчины; работники в возрасте до 25 лет; жители национальных республик; сельские жители; обладатели дипломов по инженерным и сельскохозяйственным специальностям. Важно отметить, что детерминанты недоиспользования образования для специалистов с высшим образованием несколько отличаются от детерминантов для специалистов со средним специальным образованием (Гимпельсон и др., 2009). В другом исследовании с использованием данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2008 г. и самооценки работников более высокий уровень недоиспользования образования выявлен у следующих категорий: женщины; работники, не состоящие в браке; лица, имеющие детей; лица со слабым здоровьем; городские жители (Гимпельсон, Капелюшников и Лукьянова, 2011).

В своей работе Т.Ю. Стукен привлекла данные Обследования рабочей силы Росстата по регионам Сибирского федерального округа за 2010–2015 гг. (Стукен, 2018). Детерминанты недоиспользования образования оценивались для выпускников вузов на основе классификатора занятий. По итогам анализа отмечено отсутствие значимой связи между недоиспользованием образования и характеристиками рынка труда. Более высокий уровень недоиспользования выявлен для лиц, имеющих детей.

Наконец, в работе Е.Я. Варшавской использованы данные Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата за 2018 г. для анализа факторов избыточной квалификации российских работников, определенной на основе самооценки респондентов (Варшавская, 2021). При анализе детерминантов более значительные масштабы избыточной квалификации выявлены у мужчин; молодых работников; занятых в неформальном секторе; на рабочих местах с плохими условиями труда.

---

² Э. Левен и Г. Остербек отдельно выделяют такой важный фактор, как способности работника, отмечая, что его анализ редко встречается в работах из-за отсутствия соответствующих данных (Leuven and Oosterbeek, 2011). В нашей работе мы также не можем включить данный фактор в модель ввиду ограничения базы данных.

Анализируя результаты исследований отечественных ученых, можно отметить, что перечень детерминантов недоиспользования образования в России во многом совпадает с детерминантами, определенными в других странах. Результаты зависят от используемого подхода к определению избыточного уровня образования, а также от установленной выборки.

Исходя из поставленной цели исследования и проведенного обзора теоретических и эмпирических исследований сформулированы следующие исследовательские гипотезы.

Гипотеза 1. Одним из наиболее значимых детерминантов рисков недоиспользования образования в сельской местности по сравнению с городом выступает занятость в ЛПХ.

Занятость в ЛПХ — важная сфера приложения труда в сельской местности, которая может выступать как альтернатива работы по найму, так и дополнительным источником доходов, компенсирующим более низкие заработные платы в сельской местности³. Таким образом, наличие у сельской семьи собственного ЛПХ может снижать стимулы поиска работы по специальности, приводя в итоге к недоиспользованию образования.

Гипотеза 2. Наиболее высокие масштабы недоиспользования образования на селе наблюдаются у замужних женщин.

Данная гипотеза основана на теории дифференцированной избыточной квалификации, в соответствии с которой замужние женщины имеют наибольшие сложности с поиском работы по специальности на сельском рынке труда.

Гипотеза 3 (следствие гипотез 1 и 2). Ведение домашнего хозяйства и осуществление ухода за детьми увеличивают риски недоиспользования образования на сельском рынке труда.

Занятость в домашнем хозяйстве, как показывают зарубежные исследования, выступает значимым фактором недоиспользования образования. Мы не исключаем, что для сельских жителей в России занятость в домашнем хозяйстве может предполагать ведение ЛПХ. При наличии значительных затрат времени на домашнее хозяйство территориальная трудовая мобильность (позволяющая найти работу, соответствующую имеющемуся образованию, на удаленном расстоянии от населенного пункта) практически невозможна. В связи с этим более высокий уровень недоиспользования образования следует ожидать у лиц, имеющих детей; у лиц, проживающих в домохозяйствах более крупного размера (по числу членов семьи); у лиц, основным занятием которых выступает ведение домашнего хозяйства.

2. Информационная база и методология исследования

Для выявления детерминантов недоиспользования образования нами привлечены данные Обследования рабочей силы (ОРС) Росстата. ОРС — выборочное обследование, охватывающее все регионы России, — является основным источником данных для определения статистических индикаторов в сфере труда и занятости.

---

³ Отметим, что занятость в ЛПХ с последующей продажей продукции в качестве основного вида деятельности для специалистов с профессиональным образованием также будет являться недоиспользованием образования. Однако в данном исследовании подобную форму недоиспользования образования мы не рассматриваем, ограничиваясь только работой по найму.

Единицей обследования выступает домашнее хозяйство. Выборка состоит из лиц в возрасте от 15 лет и старше; объем выборки — 77 тыс. человек ежемесячно. Результаты обследования репрезентативны как на общероссийском уровне, так и на уровне отдельных регионов.

Для анализа мы используем неагрегированные данные, а именно микроданные, которые размещены на официальном сайте Росстата в открытом доступе⁴. В качестве анализируемого периода нами взят 2018 г., так как на момент начала исследования это последний год, по которому были доступны микроданные Росстата⁵. Мы проводим анализ за год, объединив данные по всем ежемесячным опросам. Использование годичных данных дает возможность расширить используемую выборку, повысить ее репрезентативность и устранить сезонные колебания.

С учетом специфики доступных авторам данных к сельскому рынку труда отнесены все занятые, проживающие в сельской местности. Такой подход используется и в других исследованиях (Бондаренко и Татарова, 2014; Варшавская, 2017; Danzer and Grundke, 2020; de Brauw et al., 2002).

За 2018 г. в рамках ОРС опрошено 924 880 человек. Мы включили в выборку занятых, имеющих профессиональное образование. В ОРС выделены следующие уровни профессионального образования:

- среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих) — бывшее начальное профессиональное образование, далее данная группа называется квалифицированными рабочими;
- среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена;
- высшее образование — бакалавриат;
- высшее образование — специалитет, магистратура;
- послевузовское профессиональное образование.

Последние три категории в дальнейшем анализе объединены в одну — специалисты с высшим образованием. Объем выборки составил 399 774 человек, из них городские жители — 279 771 человек, сельские — 120 003 человека. Распределение респондентов по местности проживания и уровню образования представлено в табл. 1. Среди городских жителей преобладают лица с высшим образованием. В сельской местности они уступают по численности специалистам среднего звена и квалифицированным рабочим.

Для определения недоиспользования образования использован комбинированный подход, описанный в нашей предыдущей работе (Капелюк и Лищук, 2020). На первом этапе устанавливаем несоответствие образования занимаемой должности по основному месту работы на основе самооценки респондентов, используя ответы на вопрос: «Связана ли Ваша работа с профессией (специальностью),

⁴ Федеральная служба государственной статистики. (2019) Микроданные выборочного обследования рабочей силы в 2017–2018 г. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bd_ors/bd_ors2017-2018.sav (дата обращения: 21.04.2020).

⁵ Анализ данных за 2019 г. позволил получить во многом близкие результаты. Данные за 2020 г. во многом специфичны (как из-за ограничительных мер в силу пандемии, так и из-за вынужденной корректировки методологии проведения обследования Росстатом), поэтому их использование представляет во многом отдельное, самостоятельное исследование.

Таблица 1. Характеристики и объем выборки

Местность проживания респондентов	Уровень образования		Всего	
	Высшее образование	Среднее профессиональное образование по программам подготовки		
		специалистов среднего звена		квалифицированных рабочих
Село	36 255	43 920	39 828	120 003
Город	123 726	89 339	66 706	279 771
Всего	159 981	133 259	106 534	399 774

Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. (2019) Микроданные выборочно-го обследования рабочей силы в 2017–2018 гг. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bd_ors/bd_ors2017-2018.sav (дата обращения: 21.04.2020).

полученной в образовательной организации?» К несоответствию относим ответы «Скорее нет» и «Нет».

На втором этапе проводим анализ видов занятий, характеризующих должность по основному месту работы. Для этого используем представленную в данных ОРС классификацию видов занятий по десяти укрупненным группам согласно Общероссийскому классификатору занятий (ОКЗ)⁶:

- 1) руководители;
- 2) специалисты высшего уровня квалификации;
- 3) специалисты среднего уровня квалификации;
- 4) служащие;
- 5) работники сферы обслуживания;
- 6) квалифицированные работники сельского хозяйства;
- 7) квалифицированные рабочие;
- 8) операторы и водители;
- 9) неквалифицированные рабочие⁷.

Уровень квалификации в ОКЗ определяется уровнем достигнутого образования. Мы считаем образование недоиспользованным, когда работник занимает должность, требующую меньшей квалификации по сравнению с имеющимся образованием. Так, недоиспользование образования будет иметь место для специалиста с высшим образованием, если он отнесен в ОКЗ к любой из профессиональных групп, кроме первой (руководители) и второй (специалисты высшего уровня квалификации). Для специалистов среднего звена недоиспользованием образованием мы считаем виды занятий, отнесенные с пятой по девятую группу, то есть начиная с работников сферы обслуживания. Для квалифицированных рабочих недо-

⁶ ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (дата обращения: 21.04.2020).

⁷ Десятая группа (военнослужащие) в данном анализе не рассматривается в связи с тем, что обследование Росстата их не охватывает.

использованием образования мы считаем только занятость на рабочих местах, относящихся к девятой группе — неквалифицированные рабочие.

Использование классификатора занятий для определения недоиспользования образования имеет свои достоинства и недостатки. В числе достоинств можно отметить объективность, поскольку используются требования, предъявляемые к представителям конкретной профессии; среди недостатков — ограниченную гибкость, которая не позволяет учитывать трансформацию профессий, искажение в связи с инфляцией дипломов и сложность международных сопоставлений при использовании национальных классификаторов (Capsada-Munsech, 2019).

Кроме того, в одной укрупненной профессиональной группе могут присутствовать профессии, требующие различного уровня образования. Чтобы определить влияние данного обстоятельства на результаты, нами использованы профессиональные стандарты⁸. По результатам проведенного анализа 100 наиболее востребованных профессий у работодателей России (Лищук и Капелюк, 2020) нами установлено, что для 75 утверждены профессиональные стандарты. Более высокие требования к уровню образования предъявляются по 4 профессиям. Из них 3 профессии, требующие высшего образования, относятся к 3-й укрупненной группе ОКЗ (специалист, инспектор⁹, массажист); 1 профессия, требующая высшего образования, включается в 4-ю группу (мастер участка). Таким образом, ввиду незначительного количества профессий, к которым предъявляются завышенные требования, искажение результатов не должно быть значительным.

Поскольку такое искажение может оказать определенное (пусть и не очень значительное) влияние на достоверность результатов, мы проводим проверку их устойчивости. Для этого мы оцениваем модель (1) только по сокращенной выборке. Порядок включения в сокращенную выборку:

- 1) респонденты, у которых в основной выборке по нашему подходу не отмечено недоиспользование образования, включены в сокращенную выборку в полном составе;
- 2) респонденты, у которых в основной выборке выявлено недоиспользование образования, включались, только если для их текущей должности образовательные требования профессиональных стандартов точно не выше уровней образования, предполагаемых для уровней подготовки соответствующих укрупненных профессиональных групп ОКЗ. В число таких профессий вошли все полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие (8-я и 9-я укрупненные группы ОКЗ), средний медицинский персонал (32-я группа ОКЗ).

Детерминанты недоиспользования образования, как и во многих предыдущих работах (см.: (Belfield, 2010; Kucel, Molina and Raya, 2016; Rossen, Boll and Wolf,

---

⁸ Минтруд России. (2021) Реестр профессиональных стандартов. URL: https://profstandart.gosmintrud.ru/upload/iblock/557/Реестрпрофессиональныхстандартов_26.11.2021.xlsx (дата обращения: 07.12.2021).

⁹ Слова «специалист» и «инспектор» встречаются в достаточно большом количестве названий профессий, для которых разработаны профессиональные стандарты. Указанные несоответствия обнаружены в таких профессиональных стандартах, как 07.005 «Специалист административно-хозяйственной деятельности» и 24.071 «Инспектор в атомной энергетике».

2019)), оцениваются с помощью пробит-регрессии — нелинейной регрессионной модели с бинарной зависимой переменной:

$$Pr(Over_i = 1) = \Phi(\alpha_0 + X_i\beta + Z_i\theta), \quad (1)$$

где $Over_i$ — бинарная переменная, принимающая значение 1, если у i -го работника выявлено недоиспользование образования, и значение 0 при его отсутствии; X_i — вектор независимых переменных для i -го работника — детерминантов недоиспользования образования; Z_i — вектор контрольных переменных для i -го работника; α_0 — константа; β , θ — векторы коэффициентов наклона.

Модель (1) оценивается отдельно по каждому уровню профессионального образования. Также мы оцениваем модели отдельно для села и города, чтобы выявить специфические факторы для сельского рынка труда.

Обследование рабочей силы включает достаточно широкий перечень вопросов, на основе которых можно сформировать необходимые для анализа переменные. При выборе факторов недоиспользования образования мы исходили из проведенного обзора литературы и доступных в базе ОРС переменных. Таким образом, в их число мы включили: пол; семейное положение; количество детей до 18 лет; возраст (как набор фиктивных переменных по пятилетним возрастным группам); число членов домохозяйства; гражданство (фиктивная переменная с двумя значениями — российское и иностранное гражданство); наличие дополнительной работы; обучение в учебном заведении одновременно с работой (по очной форме); наличие пенсии по возрасту или выслуге лет; наличие пенсии по инвалидности; ведение домашнего хозяйства и уход за детьми¹⁰.

При выборе детерминантов недоиспользования образования в качестве теоретической базы мы опирались на теории, разработанные в рамках пространственных моделей. В связи с положениями теории дифференцированной избыточной квалификации (Buchel and Battu, 2003; Frank, 1978) пол и семейное положение учтены совместно. Для этого всех респондентов мы разделили на четыре группы: замужние женщины; незамужние женщины; женатые мужчины; неженатые мужчины. В качестве базовой (опорной) категории выбраны неженатые мужчины.

Как специфический для сельского рынка труда фактор мы включили занятость в личном подсобном хозяйстве, которая представлена двумя фиктивными переменными: использование ЛПХ для собственного потребления и производство продукции на продажу. Базовая категория — отсутствие (или неиспользование) ЛПХ.

В качестве переменных, характеризующих образование респондента, мы добавили число лет с момента окончания учебного заведения и специальность полученного образования. Согласно теории поиска и мэтчинга, недоиспользование образования может быть временным явлением из-за трений на рынке труда. В этом случае наиболее высокие риски недоиспользования образования должны наблюдаться у недавних выпускников. Для модели, оцениваемой по специалистам с высшим образованием, в качестве отдельной переменной включено наличие диплома бакалавра (в базовую категорию отнесены лица с дипломом специалиста или магистра).

¹⁰ Фиктивная переменная «ведение домашнего хозяйства и уход за детьми» принимает значение 1 только для тех, кто указал это в качестве своего основного занятия.

Включение контрольных переменных необходимо для более точного анализа детерминантов *ceteris paribus* — «при прочих равных условиях». В число контрольных переменных (Z_i) включены месяц проведения опроса, а также регион проживания в виде отдельной фиктивной переменной для каждого субъекта РФ. Месяц проведения опроса включен в связи с тем, что экономическая активность и сфера занятости сельского населения подвержены сезонным колебаниям. Добавление региона проживания позволяет контролировать специфические региональные особенности профессиональной структуры занятости.

В отличие от ряда предыдущих исследований (см.: (Варшавская, 2021; Гимпельсон и др., 2009; Гимпельсон, Капелюшников и Лукьянова, 2011; Belfield, 2010; Rossen, Boll and Wolf, 2019)), мы не стали включать в число переменных характеристики рабочих мест: отрасль, вид договора, условия оформления на работу, продолжительность рабочей недели, неформальный характер занятости. На наш взгляд, данные характеристики нельзя считать факторами недоиспользования образования, поскольку несоответствие образования занимаемой должности не может стать результатом влияния характеристик рабочего места. Включение данных характеристик в модель в качестве контрольных переменных привело бы к неоправданному занижению оценки влияния переменных, рассматриваемых в качестве детерминантов. Так, включение в качестве контрольной переменной занятости в неформальном секторе привело бы к значительному занижению оценок коэффициентов для тех характеристик работника, которые коррелируют с неформальной занятостью.

Из рассматриваемых детерминантов недоиспользования образования, насколько нам известно, ранее не исследовались занятость в ЛПХ и наличие пенсии. Такие факторы, как: гражданство; наличие диплома бакалавра; обучение в учебном заведении; число лет с момента окончания учебного заведения; ведение домашнего хозяйства; число членов домохозяйства; регион проживания; комбинация пола и семейного положения — рассматривались ранее только в зарубежных исследованиях, поэтому новизной является их изучение применительно к российскому рынку труда.

Все расчеты проведены в программе Stata, версия 14.0.

3. Масштабы недоиспользования образования среди отдельных категорий населения

По нашим расчетам, для сельского рынка труда характерен более высокий уровень недоиспользования образования по сравнению с городом. Данная закономерность проявляется для всех уровней профессионального образования. Доля сельских работников с избыточным образованием в 2018 г. составила 22,1 % среди специалистов с высшим образованием; 35,5 % — среди специалистов со средним специальным образованием; 12,2 % — среди квалифицированных рабочих. В городской местности доля лиц с избыточным образованием в 2018 г. составила 15,5, 26,5 и 7,8 % соответственно (рис.).

Для проверки теории дифференцированной избыточной квалификации мы провели расчеты отдельно для мужчин и женщин с учетом семейного статуса (табл. 2). Статистическая значимость различий в масштабах недоиспользования

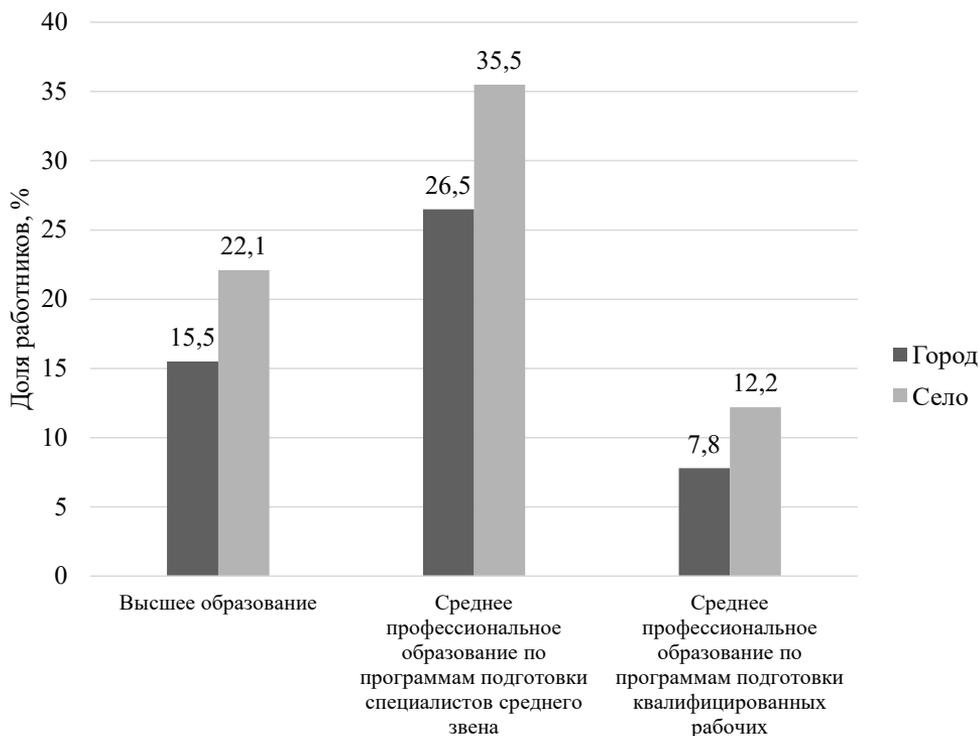

Рис. Доля работников с избыточным образованием в общей численности по уровням образования в 2018 г.

Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. (2019) Микроданные выборочного обследования рабочей силы в 2017–2018 гг. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bd_ors/bd_ors2017-2018.sav (дата обращения: 21.04.2020).

Таблица 2. Доля сельских работников с недоиспользованием образования в зависимости от пола и семейного положения в 2018 г., %

Детерминант недоиспользования образования — семейное положение и пол		Уровень образования		
		Высшее образование	Среднее профессиональное образование по программам подготовки	
			специалистов среднего звена	квалифицированных рабочих
Женщины	замужние	16,1*	28,1*	16,0*
	незамужние	19,3*	30,0*	16,8*
Мужчины	женатые	26,8*	43,6*	9,3*
	холостые	32,0*	45,1*	13,1
Выборка в целом		22,1	35,5	12,2
Число респондентов		36 255	43 920	39 828

Примечание. * — различия между данной категорией и остальными значимы на уровне 1 %.

Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. (2019) Микроданные выборочного обследования рабочей силы в 2017–2018 гг. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bd_ors/bd_ors2017-2018.sav (дата обращения: 21.04.2020).

образования между выделенными категориями по полу и семейному положению определена с помощью критерия хи-квадрат Пирсона¹¹.

По результатам анализа данных, представленных в табл. 2, можно сделать вывод, что теория дифференцированной избыточной квалификации не находит подтверждения на сельском рынке труда в России. В большинстве случаев у замужних

Таблица 3. Доля работников с неиспользованием образования по отдельным категориям сельских жителей в 2018 г., %

Детерминант неиспользования образования		Уровень образования			
		Высшее образование	Среднее профессиональное образование по программам подготовки		
			специалистов среднего звена	квалифицированных рабочих	
Наличие детей (до 18 лет)	имеются	22,1	34,8**	11,3**	
	не имеются	22,1	35,9**	12,8**	
Основное занятие респондента	обучающиеся по очной форме обучения		27,2	36,2	16,4
	пенсионеры	по возрасту, выслуге лет	19,8**	36,7	18,4**
		по инвалидности	37,3**	54,3**	18,0**
	лица, ведущие домашнее хозяйство и осуществляющие уход за детьми		53,5**	75,7**	9,8*
Наличие дополнительной работы	имеется	23,7	34,7	16,1**	
	не имеется	22,0	35,5	12,0**	
Занятость в личном подсобном хозяйстве	для продажи		64,1**	72,5**	6,9**
	для собственного потребления		19,2**	34,1**	15,0**
	отсутствие личного подсобного хозяйства		20,6**	32,4**	11,4**
Выборка в целом		22,1	35,5	12,2	
Число респондентов		36 255	43 920	39 828	

Примечание. * — различия между данной категорией и остальными значимы на уровне 10%; ** — различия значимы на уровне 1%.

Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. (2019) Микроданные выборочно-го обследования рабочей силы в 2017–2018 гг. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bd_ors/bd_ors2017-2018.sav (дата обращения: 21.04.2020).

¹¹ Сравнения проведены попарно: каждая из категорий сравнивается со всеми остальными, объединенными вместе. Например, уровень неиспользования образования среди замужних женщин сравнивается с средним уровнем неиспользования образования в остальных трех группах. В качестве нулевой гипотезы предполагается отсутствие различий среди выбранных категорий сельского населения в масштабах неиспользования образования.

женщин наблюдаются самые низкие показатели недоиспользования образования. Исключение составляют квалифицированные рабочие. Но и в этом случае у замужних женщин более низкие показатели по сравнению с незамужними.

Для получения более полной картины мы провели анализ недоиспользования образования с учетом дополнительных факторов: наличие детей; основное занятие респондента; наличие дополнительной работы; занятость в ЛПХ. Результаты представлены в табл. 3.

Наличие детей не ограничивает сельских жителей в части нахождения работы, соответствующей образовательному уровню. Более того, у лиц, имеющих детей, показатели недоиспользования образования немного ниже — примерно на 1 п. п. Среди лиц, указавших в качестве своего основного занятия ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, наблюдается намного более высокий уровень недоиспользования образования — 53,5 % для специалистов с высшим образованием и 75,7 % для специалистов со средним профессиональным образованием.

Среди сельских жителей крайне мало тех, кто совмещает работу с обучением по очной форме, поэтому соответствующие оценки статистически незначимы и мы не можем сделать по ним определенных выводов.

В ходе исследования не выявлено значительной распространенности на сельском рынке труда недоиспользования образования среди пенсионеров по возрасту или выслуге лет, несмотря на то что она могла быть ожидаема при наличии возрастной дискриминации. Это свидетельствует о том, что на сельском рынке труда отсутствует возрастная дискриминация.

У тех, кто получает пенсию по инвалидности, отмечены значительно более высокие показатели недоиспользования образования по сравнению с получающими пенсии по старости и теми, кто не является получателем пенсии. Таким образом, лица с ограниченными возможностями испытывают явные трудности на сельском рынке труда с поиском работы, соответствующей их уровню образования.

Нами не выявлено различий в недоиспользовании образования между специалистами, которые имеют дополнительную работу и не имеют ее.

Не обнаружено значительных различий между сельскими жителями, использующими ЛПХ для собственного потребления и вообще не использующими ЛПХ. Среди лиц, использующих ЛПХ для дальнейшей продажи продукции, доля имеющих избыточное образование намного выше: 64,1 % среди специалистов с высшим образованием и 72,5 % среди специалистов со средним профессиональным образованием. Таким образом, в сельской местности занятость в ЛПХ с целью продажи продукции выступает альтернативой трудоустройству на рабочие места в соответствии с полученным уровнем образования.

4. Детерминанты недоиспользования образования

Результаты анализа детерминантов недоиспользования образования с использованием модели (1) приведены в табл. 4. Мы не приводим контрольные переменные — месяц проведения опроса и регион проживания (однако они были включены в модель). Вместо коэффициентов в ячейках табл. 4 представлены предельные эффекты, которые позволяют дать более наглядную интерпретацию результатов. В частности, для дихотомических переменных они отражают разницу в вероят-

ности риска недоиспользования образования для данной категории в сравнении с базовой. Например, предельный эффект 0,138 для переменной «иностранное гражданство» среди сельских жителей с высшим образованием означает, что у иностранных граждан риск недоиспользования образования при прочих равных условиях выше на 13,8 п. п. Отрицательные значения свидетельствуют о более низком риске недоиспользования образования, положительные — о более высоком.

В результате проведенного анализа выявлены факторы недоиспользования образования, идентичные для всех уровней профессионального образования, для городских и сельских жителей. В их число входят гражданство, наличие инвалидности, число лет, прошедших с момента окончания учебного заведения. Так, во всех случаях наблюдается более высокий риск недоиспользования у иностранных работников; лиц, получающих пенсию по инвалидности; работников, окончивших учебное заведение более сорока лет назад.

В табл. 4 представлены такие детерминанты, как: иностранное гражданство; основное занятие респондента (в том числе студент, пенсионер, занятый домашним хозяйством); число членов домохозяйства; количество детей; дополнительная работа; занятость в ЛПХ; образовательный уровень — бакалавр (для лиц с высшим образованием); пол и семейное положение; возраст; число лет с момента окончания учебного заведения; специальность полученного образования. В табл. 4 также указаны индикаторы качества подгонки модели. Значение псевдокоэффициента детерминации (R -квадрата Мак-Фаддена) варьируется от 5,7 до 20,8 %. Данные значения близки к полученным в предшествующих исследованиях: 8–16 % (Chevalier and Lindley, 2009); 12–20 % (Гимпельсон и др., 2009); 4–6 % (Гимпельсон, Капелюшников and Лукьянова, 2011); 9–14 % (Kucel, Molina and Raya, 2016), — поэтому качество модели следует считать удовлетворительным.

К числу значимых факторов недоиспользования образования среди специалистов высшего и среднего звена как на сельском, так и городском рынке труда относится гражданство. Так, в сельской местности у специалистов высшего звена с иностранным гражданством по сравнению с аналогичными специалистами с российским гражданством риск недоиспользования образования выше на 13,8 п. п., у специалистов среднего звена — на 23,8 п. п.

В отличие от городских жителей, у сельских жителей наличие пенсии по возрасту или выслуге лет не приводит к повышению риска недоиспользования образования. Это подтверждает то, что для сельского рынка труда менее характерна возрастная дискриминация, как было указано выше при анализе описательной статистики.

Еще одним отличием от городского рынка труда выступает то, что на сельском рынке труда количество детей не оказывает влияния на риск недоиспользования образования. Более высокий риск для сельских жителей отмечен только в том случае, если ведение домашнего хозяйства указано ими в качестве основного занятия. Очевидно, что такая ситуация возможна только при вытекающих в таком случае ограничениях в поиске подходящей работы на рынке труда.

Наличие второй работы значительно снижает риски недоиспользования образования у сельских специалистов. Это свидетельствует о востребованности на сельском рынке труда лиц, занимающих должности, соответствующие образовательному уровню.

Таблица 4. Факторы неиспользования образования на сельском рынке труда России в 2018 г.

Детерминант неиспользования образования	Уровень образования					
	Высшее образование			Среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена		
	Село	Город	Город	Село	Город	Город
Иностранное гражданство	0,138**	0,179***	0,222***	0,238***	0,024	0,094***
Обучение по очной форме	-0,067	-0,009	0,063	0,010	0,031	0,083
Нахождение на пенсии по возрасту, выслуге лет	0,004	0,044***	0,004	-0,012	0,021***	0,041***
Нахождение на пенсии по инвалидности	0,063**	0,093***	0,078***	0,044*	0,085***	0,083***
Ведение домашнего хозяйства	0,109***	0,030	0,045*	0,186***	-0,011	-0,008
Число членов домохозяйства	0,008***	0,003***	0,002	0,003*	0,001	0,000
Количество детей	0,001	0,007***	0,012***	-0,001	0,009***	0,002
Дополнительная работа	-0,221***	-0,046***	-0,030**	-0,221***	0,111***	0,050***
Занятость в личном подсобном хозяйстве (базовая категория — отсутствие личного подсобного хозяйства)	0,003	0,012***	0,019***	-0,001	0,021***	0,011***
	0,424***	0,369***	0,394***	0,385***	-0,142***	-0,092***
Образовательный уровень — бакалавр	0,040***	0,039***	X	X	X	X
Пол и семейное положение (базовая категория — незамужние женщины)	-0,136***	-0,065***	-0,144***	-0,167***	0,021***	0,010**
	-0,111***	-0,045***	-0,100***	-0,123***	0,030***	0,024***
	-0,027***	-0,002	-0,035***	-0,013	-0,073***	-0,067***

Детерминант неиспользования образования		Уровень образования							
		Высшее образование			Среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена				
		Село	Город	Город	Село	Город	Город		
Возраст (базовая категория — 40–44 года), лет	15–19	X	X		0,016	0,008	-0,014	0,019	
	20–24	0,054***	-0,003		0,102***	0,067***	0,031*	0,010	
	25–29	0,069**	0,028***		0,085***	0,054***	0,021*	0,009	
	30–34	0,057***	0,035***		0,067***	0,035***	-0,016	0,006	
	35–39	0,043**	0,025***		0,048***	0,030***	-0,005	0,003	
	45–49	-0,015	-0,014***		-0,025***	-0,004	0,002	0,008*	
	50–54	-0,016	-0,029***		-0,055***	-0,042***	0,020**	-0,004	
	55–59	-0,018	-0,052***		-0,079***	-0,051***	0,014	-0,005	
	60–64	0,004	-0,052***		-0,090***	-0,044***	0,042***	-0,006	
	65–69	-0,004	-0,040**		-0,065***	-0,018	0,037*	0,035***	
	70 и старше	0,095**	-0,035		-0,027***	0,068***	0,038	0,038**	
	Число лет с момента окончания учебного заведения (базовая категория — 11–20 лет)	0	0,065***	0,088***		-0,125***	-0,115***	-0,142***	0,014
		1	0,014	0,072***		-0,174***	-0,133***	-0,083***	-0,056***
		2	0,026*	0,092***		-0,113***	-0,053***	-0,069***	-0,002
3–5		0,020**	0,068***		-0,079***	-0,055***	-0,028**	-0,011	
6–10		0,025***	0,033***		-0,041***	-0,010	-0,028***	-0,004	
21–30		0,018*	-0,001		0,057***	0,030***	0,011	0,010*	
31–40		0,017	0,019**		0,089***	0,072***	0,016	0,032***	
41 и более		0,044*	0,027*		0,154***	0,111***	0,026*	0,063***	

Специальность образования (базовая категория — сельское, лесное и рыбное хозяйство)	математика и механика	-0,201***	-0,221***	X	X	X	X	X
	техника и технологии строительства	-0,023	-0,107***	-0,034***	-0,086***	0,015**	-0,011**	-0,011**
	информатика и вычислительная техника	-0,171***	-0,242***	-0,191***	-0,255***	-0,053*	-0,026	-0,026
	информационная безопасность	-0,192***	-0,271***	-0,274***	-0,202***	X	X	X
	электро- и теплоэнергетика	-0,039**	-0,115***	-0,052***	-0,073***	-0,058***	-0,060***	-0,060***
	машиностроение	0,019	-0,062***	0,014	-0,047***	-0,024***	-0,040***	-0,040***
	промышленная экология и биотехнологии	0,226***	0,047***	0,115***	0,024**	-0,043***	-0,053***	-0,053***
	технологии материалов	0,034	-0,028*	0,140***	0,066***	-0,027	-0,063***	-0,063***
	техника и технологии наземного транспорта	0,086***	-0,010	0,066***	0,038***	-0,048***	-0,068***	-0,068***
	техника и технологии кораблестроения и водного транспорта	0,107**	0,129***	-0,089***	-0,136***	-0,021	-0,050***	-0,050***
	технологии легкой промышленности	0,208***	0,075***	0,143***	0,083***	0,003	-0,031***	-0,031***
	клиническая медицина	-0,312***	-0,429***	-0,427***	-0,502***	X	X	X
	фармация	0,024	0,009	-0,446***	-0,567***	X	X	X
	сестринское дело	-0,029	0,012	-0,443***	-0,523***	-0,155***	-0,142***	-0,142***
	ветеринария и зоотехния	-0,103***	-0,150***	-0,100***	-0,069***	0,011	-0,074**	-0,074**
	экономика и управление	-0,054***	-0,111***	-0,121***	-0,172***	-0,079***	-0,075***	-0,075***
социология и социальная работа	0,026	0,003	-0,267***	-0,268***	-0,084**	-0,070**	-0,070**	
юриспруденция	-0,027**	-0,113***	-0,098***	-0,124***	X	X	X	

Детерминант неиспользования образования	Уровень образования								
	Высшее образование				Среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена				
	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	
Общие характеристики модели	сервис и туризм	0,279 ^{***}	0,167 ^{***}	0,110 ^{***}	0,079 ^{***}	-0,103 ^{***}	-0,120 ^{***}		
	образование и педагогические науки	-0,235 ^{***}	-0,213 ^{***}	-0,298 ^{***}	-0,313 ^{***}	X	X		
	история и археология	-0,103 ^{***}	-0,107 ^{***}	-0,181 ^{***}	-0,251 ^{***}	-0,061 ^{***}	-0,100 ^{***}		
	физическая культура и спорт	-0,144 ^{***}	-0,099 ^{***}	-0,265 ^{***}	-0,240 ^{***}	X	X		
	музыкальное искусство	-0,345 ^{***}	-0,296 ^{***}	-0,381 ^{***}	-0,393 ^{***}	X	X		
Общие характеристики модели	число наблюдений	36 239	123 726	43 920	89 339	39 729	66 672		
	R-квадрат Мак-Фаддена	0,125	0,080	0,208	0,185	0,057	0,082		
	статистика Вальда	5029,08	9859,99	10 391,96	17 832,90	1849,43	3053,43		
	значимость статистики Вальда	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000		
	среднее значение зависимой переменной	0,312	0,267	0,507	0,464	0,138	0,091		

Примечание. Зависимая переменная — неиспользование образования (1 — да, 0 — нет). X — неприменимо к данному уровню образования; * — предельные эффекты значимы на уровне 10%; ** — предельные эффекты значимы на уровне 5%; *** — предельные эффекты значимы на уровне 1%.

Значимым фактором недоиспользования образования для специалистов является занятость в ЛПХ с последующей продажей продукции. Риск недоиспользования образования у сельских жителей, занимающихся продажей продукции ЛПХ, для лиц с высшим образованием выше на 42,4 п. п., для специалистов среднего звена — на 38,5 п. п. В данном случае сложно определить направление связи. С одной стороны, отсутствие возможности найти работу, соответствующую образовательному уровню, заставляет заняться производством товарной продукции в ЛПХ. С другой стороны, у лиц, имеющих дополнительный источник доходов от реализации продукции ЛПХ, может быть меньше стимулов заниматься поиском работы по специальности, если получаемый совокупный доход выше заработной платы на рабочих местах по имеющейся специальности.

Нами не выявлено связи между недоиспользованием образования и продолжением обучения, так как у студентов не отмечено значимых отличий в рисках недоиспользования образования. У лиц, имеющих диплом бакалавра, недоиспользование образования встречается чаще, чем у тех, кто имеет диплом специалиста или магистра.

Наиболее редко и на селе, и в городе недоиспользование образования встречается у специалистов медицинских профессий (клиническая медицина, фармацевтика, сестринское дело). К группе работников с низким риском недоиспользования образования относятся также специалисты в области информационных технологий, педагоги и музыканты. Наиболее тревожными являются выявленные для многих профессий отрицательные значения предельных эффектов. Это свидетельствует о том, что представители базовой категории — специалисты с аграрным образованием — остаются недостаточно востребованными на сельском рынке труда, то есть имеют высокие риски недоиспользования образования. К их числу относятся также специалисты в области промышленной экологии и биотехнологии, сервиса и туризма. При этом данные профессии весьма актуальны с учетом заявленных стратегических приоритетов государства в области развития высокотехнологичного сельского хозяйства, диверсификации сельской экономики в части развития туризма. Наблюдаемый дисбаланс на сельском рынке труда свидетельствует об отсутствии фактических сдвигов в сторону отмеченных приоритетов.

В таблице в Приложении представлены результаты проверки на устойчивость с использованием модели (1) только по сельскому рынку труда по сокращенной выборке. В сокращенной выборке из работников, для которых ранее было выявлено недоиспользование образования, включены только представители тех профессий, для которых образовательные требования профессиональных стандартов точно не выше уровней образования, предполагаемых для уровней подготовки соответствующих укрупненных профессиональных групп ОКЗ. Это позволяет приблизительно оценить, в какой степени результаты могли быть искажены из-за смещения в связи с недостаточной точностью определения наличия недоиспользования образования. Модель оценивалась с полным набором переменных, однако в таблице в Приложении представлены только те переменные, по которым ранее были получены наиболее интересные результаты. При данном подходе в выборке остаются все квалифицированные рабочие, поэтому данная проверка на устойчивость проведена только для специалистов с высшим образованием и специалистов среднего звена. Основные выводы, сделанные ранее, подтверждаются. Более высокие риски недо-

использования образования выявлены у неженатых мужчин; лиц, получающих пенсию по инвалидности; работников, имеющих диплом бакалавра. У лиц с иностранным гражданством риск остается более высоким, хотя оценки коэффициентов снижаются и оказываются незначимыми. Чувствительными к изменению выборки оказались результаты для таких переменных, как наличие дополнительной работы и использование ЛПХ для продажи продукции.

5. Обсуждение полученных результатов

Полученные результаты подтверждают значительные масштабы недоиспользования образования как на сельском, так и городском рынке труда. В среднем по России уровень недоиспользования образования для лиц с высшим образованием составил 16,4%, для специалистов среднего звена — 28,5%. При этом данные оценки даже ниже тех, которые были получены для России в предшествующих исследованиях. Так, оценки доли лиц с избыточным высшим образованием следующие: 25% в исследованиях В. Е. Гимпельсона и соавторов (Гимпельсон и др., 2009; Гимпельсон, Капелюшников и Лукьянова, 2011); 31,5% у Р. И. Капелюшникова (Капелюшников, 2012); 44,6% у Н. Е. Кюи (Кюи, 2008). Близкие оценки получены только у М. Васякиной и С. Робоне (Vasiakina and Robone, 2018).

Значительные масштабы недоиспользования образования характерны для многих стран: Китай — 33,7% (Wu and Wang, 2018); США — 37% (Artz and Welsch, 2021); Канада — 31% (Vahey, 2000); Великобритания — 35% (Chevalier and Lindley, 2009); Ирландия — 30% (Obiols-Homs and Sanchez-Marcos, 2018); Испания — 34% (Obiols-Homs and Sanchez-Marcos, 2018); Украина — 39,7% (Kupets, 2016); Бразилия — 24,7% (Marioni, 2021); Япония — 27,1% (Kucel, Molina and Raya, 2016); Тайвань — 45,8% (Hung, 2008). Однако не во всех странах для сельского рынка труда характерен более высокий уровень недоиспользования образования по сравнению с городом. Не выявлено статистически значимых различий между городом и селом в исследованиях в Швейцарии (Rerat, 2014) и Канаде (Park, 2018).

В рамках теории поиска и мэтчинга невозможно объяснить значительную разницу между сельским и городским рынком труда России. У выпускников, только что окончивших учебное заведение, риски недоиспользования образования не намного выше, чем у тех, кто окончил несколько лет назад. Если бы недоиспользование образования в значительной степени определялось трениями на рынке труда, следовало бы ожидать намного более высокие риски у тех, кто только вышел на рынок труда. Кроме того, у недавних выпускников более значительные риски наблюдаются на городском рынке труда, а не на сельском. Этот результат показывает, что наличие недоиспользование образования в России может частично объясняться в рамках теории карьерной мобильности; однако данная теория не объясняет, почему масштабы недоиспользования образования на селе выше, чем в городе.

Наиболее убедительное объяснение полученным результатам можно предложить исходя из пространственных теорий. Следует отметить, что результаты полностью противоречат теории дифференцированной избыточной квалификации, согласно которой наиболее значительные масштабы недоиспользования образования на селе характерны для замужних женщин. У незамужних выше риски недо-

использования образования по сравнению с замужними. В большинстве случаев у мужчин выше риски недоиспользования образования, чем у женщин¹².

В то же время эти риски объяснимы с точки зрения эмпирических фактов о функционировании сельского рынка труда в России, подтверждающих важность пространственных факторов. Исследования сельского рынка труда свидетельствуют о значительных масштабах частичной трудовой миграции сельских жителей (в том числе отходничества) в городскую местность при сохранении места проживания в селе (Великий, 2010; Плюснин и др., 2013; Плюснин, Позаненко и Жидкевич, 2015). В большинстве случаев такими мигрантами являются мужчины, которые в городе чаще всего устраиваются на работу, не требующую имеющегося у них уровня квалификации, но позволяющую получать сравнительно высокий, чем в сельской местности, заработок. В то же время женщины, в силу консервативности распределения гендерных ролей в сельской местности России, вынуждены тратить значительное время на ведение домашнего хозяйства, что позволяет им работать только на локальном рынке труда. В отличие от женщин в зарубежных странах чаще всего они находят работу, соответствующую имеющемуся у них уровню образования. На наш взгляд, это является объяснением, почему недоиспользование образования на сельском рынке труда характерно прежде всего для мужчин. К сожалению, доступные микроданные ОРС Росстата не позволяют напрямую проверить данную гипотезу, поскольку отсутствует возможность получить данные о территориальном расположении места работы респондента.

Заключение

Первая гипотеза исследования подтвердилась частично. Занятость в ЛПХ выступает одним из наиболее значимых детерминантов, только если данное подсобное хозяйство ориентировано на продажу продукции. Если ЛПХ используется преимущественно для собственного потребления, то связи с недоиспользованием образования не установлено. Вторая гипотеза о более высоком риске недоиспользования образования у замужних женщин не подтвердилась. Подтверждена третья гипотеза, согласно которой ведение домашнего хозяйства (включая ЛПХ) повышает риски недоиспользования образования на сельском рынке труда. Наличие детей при прочих равных условиях не увеличивает риск недоиспользования образования. Следует отметить, что значимым мог бы оказаться возраст детей, который в ОРС не указывается.

Выявлены значительные различия в детерминантах недоиспользования образования у специалистов и квалифицированных рабочих. В то же время не найдено существенной разницы в факторах недоиспользования образования среди специалистов высшего и среднего звена.

Регион проживания в данной работе рассматривался исключительно как контрольная переменная. Однако изучение региональных различий в недоиспользовании образования на сельском рынке труда может стать перспективным направлением дальнейших исследований.

---

¹² Добавим, что согласно данной теории у замужних женщин должна наблюдаться наибольшая положительная разница при сравнении предельных эффектов для городских и сельских жителей. Это положение также не находит подтверждения, исходя из результатов, представленных в табл. 4.

Благодарность

Авторы выражают благодарность рецензентам, замечания и комментарии которых помогли значительно улучшить статью.

Литература

- Аверкиева, К. В. (2016) 'Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья', *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 1, с. 25–37.
- Бондаренко, Л., и Татарова, Л. (2014) 'Занятость сельского населения и социальная защита безработных', *Экономика сельского хозяйства России*, 2, с. 58–65.
- Варшавская, Е. Я. (2017) 'Квалифицированные работники на сельском рынке труда: предложение и спрос', *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 3, с. 25–42.
- Варшавская, Е. Я. (2021) 'Избыточная квалификация российских работников: масштабы, детерминанты, последствия', *Социологические исследования*, 11, с. 37–48.
- Великий, П. П. (2010) 'Неоотходничество, или лишние люди современной деревни', *Социологические исследования*, 9, с. 44–49.
- Гимпельсон, В. Е., и Капелюшников, Р. И. (2015) 'Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы', *Вопросы экономики*, 7, с. 87–119.
- Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И., Карабчук, Т. С., Рыжикова, З. А., и Биляк, Т. А. (2009) 'Выбор профессии: чему учились и где пригодились?', *Экономический журнал ВШЭ*, 2, с. 172–216.
- Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И., и Лукьянова, А. Л. (2011) 'Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный?', в Гимпельсон, В. Е., и Капелюшников, Р. И. (ред.) *Российский работник: образование, профессия, квалификация*. М.: Изд. дом ВШЭ, с. 240–292.
- Едренкина, Н. М., и Гриценко, Г. М. (2018) 'Особенности формирования трудовых ресурсов сельских территорий Сибири', в Петриков, А. В. (отв. ред.) *Аграрная экономическая наука: истоки, состояние, задачи на будущее. Никоновские чтения — 2018. Материалы XXIII Международной научно-практической конференции*. М.: Всерос. ин-т аграр. проблем и информатики им. А. А. Никонова, с. 268–270.
- Калугина, З. И. (2012) 'Инверсия сельской занятости: практика и политика', *Регион: экономика и социология*, 2, с. 45–67.
- Капелюк, С. Д., и Лищук, Е. Н. (2020) 'Масштабы несоответствия образовательного уровня работников сельскому рынку труда', *Journal of Applied Economic Research*, 19 (3), с. 370–397.
- Капелюшников, Р. (2012) 'Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? Часть II', *Вопросы экономики*, 3, с. 120–147.
- Кюи, Н. Е. (2008) 'Образование, выбор категории профессиональной занятости и заработная плата в России', *Экономический журнал ВШЭ*, 3, с. 365–399.
- Лищук, Е. Н., и Капелюк С. Д. (2020) 'Анализ востребованных профессий на рынке труда: региональные особенности', *Регион: экономика и социология*, 1, с. 119–152.
- Нефедова, Т. Г., и Мкртчян, Н. В. (2018) 'Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России', *Проблемы прогнозирования*, 1, с. 85–98.
- Плюснин, Ю. М., Заусаева, Я. Д., Жидкевич, Н. Н., и Позаненко, А. А. (2013) *Отходники*. М.: Новый хронограф.
- Плюснин, Ю. М., Позаненко, А. А., и Жидкевич, Н. Н. (2015) 'Отходничество как новый фактор общественной жизни', *Мир России*, 24 (1), с. 35–71.
- Стукен, Т. Ю. (2018) 'Качество занятости выпускников на региональных рынках труда', *Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, 2, с. 33–39.
- Artz, B., and Welsch, D. M. (2021) 'Overeducation and wages revisited: A two-cohort comparison and random coefficients approach', *Southern Economic Journal*, 87, pp. 909–936.
- Belfield, C. (2010) 'Over-education: What influence does the workplace have?', *Economics of Education Review*, 29, pp. 236–245.
- Buchel, F., and Battu, H. (2003) 'The theory of differential overqualification: does it work?', *Scottish Journal of Political Economy*, 50 (1), pp. 1–16.
- Buchel, F., and van Ham, M. (2003) 'Overeducation, regional labour markets, and spatial flexibility', *Journal of Urban Economics*, 53 (3), pp. 482–493.

- Capsada-Munsech, Q. (2019) 'Measuring overeducation: Incidence, correlation and overlaps across indicators and countries', *Social Indicators Research*, 145, pp. 279–301.
- Chevalier, A., and Lindley, J. (2009) 'Overeducation and the skills of UK graduates', *Journal of the Royal Statistical Society A*, 172 (2), pp. 307–337.
- Danzer, A. M., and Grundke, R. (2020) 'Export price shocks and rural labor markets: The role of labor market distortions', *Journal of Development Economics*, 145, 102464.
- de Brauw, A., Huang, J., Rozelle, S., Zhang, L., and Zhang, Y. (2002) 'the evolution of China's rural labor markets during the reforms', *Journal of Comparative Economics*, 30, pp. 329–353.
- Dolton, P., and Vignoles, A. (2000) 'The incidence and effects of overeducation in the UK graduate labour market', *Economics of Education Review*, 19 (2), pp. 179–198.
- Dumas, C. (2020) 'Productivity shocks and child labor: The role of credit and agricultural labor markets', *Economic Development and Cultural Change*, 68 (3), pp. 763–812.
- Fields, G. S. (2009) 'Segmented labor market models in developing countries', in Ross, D., and Kincaid, H. (ed.) *The Oxford Handbook of Philosophy of Economics*. Oxford University Press, pp. 476–507.
- Foster, A. D., and Rosenzweig, A. (1996) 'Comparative advantage, information and the allocation of workers to tasks: Evidence from an agricultural labour market', *Review of Economic Studies*, 63 (3), pp. 347–374.
- Frank, R. H. (1978) 'Why women earn less: The theory and estimation of differential overqualification', *American Economic Review*, 68 (3), pp. 360–373.
- Freeman, R. B. (1976) *The Overeducated American*. New York: Academic Press.
- Hung, C.-Y. (2008) 'Overeducation and undereducation in Taiwan', *Journal of Asian Economics*, 19, pp. 125–137.
- Hymer, S., and Resnick, S. (1969) 'A model of an agrarian economy with nonagricultural activities', *American Economic Review*, 59 (4), pp. 493–506.
- Kucel, A., Molina, I. F., and Raya, J. M. (2016) 'Over-education and its opportunity cost in Japan', *Asia Pacific Education Review*, 17, pp. 299–312.
- Kupets, O. (2016) 'Education-job mismatch in Ukraine: Too many people with tertiary education or too many jobs for low-skilled?', *Journal of Comparative Economics*, 44, pp. 125–147.
- Leuven, E., and Oosterbeek, H. (2011) 'Overeducation and mismatch in the labor market', in Hanushek, E. A., Machin, S., and Woessmann, L. (ed.) *Handbook of the Economics of Education*, vol. 4. Elsevier B. V., pp. 283–326.
- Marioni, L. S. (2021) 'Overeducation in the labour market: Evidence from Brazil', *Education Economics*, 29 (1), pp. 53–72.
- McGuinness, S. (2006) 'Overeducation in the labour market', *Journal of Economic Surveys*, 20 (3), pp. 387–418.
- Mueller, J. T. (2021) 'The dual dependency of natural-resource-rich labor markets in contemporary society', *Sociological Theory*, 39 (2), pp. 81–102.
- Obiols-Homs, F., and Sanchez-Marcos, V. (2018) 'Education outcomes and the labor market', *Labour Economics*, 54, pp. 14–28.
- Park, J. (2018) 'Overqualification among aboriginal workers in Canada', *The International Indigenous Policy Journal*, 9 (1), pp. 1–24.
- Ranis, G., and Stewart, F. (1993) 'Rural nonagricultural activities in development: Theory and application', *Journal of Development Economics*, 40, pp. 75–101.
- Rerat, P. (2014) 'Highly qualified rural youth: Why do young graduates return to their home region?', *Children's Geographies*, 12 (1), pp. 70–86.
- Rossen, A., Boll, C., and Wolf, A. (2019) 'Patterns of overeducation in Europe: The role of field of study', *IZA Journal of Labor Policy*, 9 (3), pp. 1–48.
- Vahey, S. P. (2000) 'The great Canadian training robbery: Evidence on the returns to educational mismatch', *Economics of Education Review*, 19 (2), pp. 219–227.
- Vasiakina, M., and Robone, S. (2018) 'Education-job mismatch as a determinant of health: Evidence from the Russian Federation', *Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica*, 72 (4), pp. 101–112.
- Wu, N., and Wang, Q. (2018) 'Wage penalty of overeducation: New micro-evidence from China', *China Economic Review*, 50, pp. 206–217.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2020
Статья рекомендована к печати: 17.02.2022

Контактная информация:

Капелюк Сергей Дмитриевич — канд. экон. наук, доц.; skapelyuk@bk.ru

Лищук Елена Николаевна — канд. экон. наук, доц.; anele@ngs.ru

Assessing the factors of the overeducation in the rural labor market*

S. D. Kapelyuk^{1,2,3}, E. N. Lishchuk^{1,4}

¹ Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17, pr. Akademika Lavrentieva, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University,
2, ul. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

³ Novosibirsk State Technical University,
20, pr. Karla Marksa, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

⁴ Siberian State University of Water Transport,
33, ul. Shchetinkina, Novosibirsk, 630099, Russian Federation

For citation: Kapelyuk, S. D., and Lishchuk, E. N. (2022) 'Assessing the factors of the overeducation in the rural labor market', *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 38 (2), pp. 285–314. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.206> (In Russian)

The article analyzes the determinants of the overeducation in the Russian rural labor market compared to the urban labor market. As a database the article uses the 2018 Federal State Statistics Service Labor Force Survey microdata. The hypothesis of the research is that the main determinants in the rural labor market are employment in personal subsidiary plots, marital status, housekeeping and childcare. The authors perform analysis by each level of vocational education: higher and secondary vocational (separately for medium-level specialists and skilled workers). The determinants of overeducation are investigated using a binary regression model. The authors reveal that a higher level of overeducation is associated with employment in personal subsidiary plots for the purpose of selling products. Other significant determinants of overeducation in the rural labor market include gender; marital status; age; the number of household members; education field. Higher risks of overeducation are observed for persons with foreign citizenship; single men; as well as those living in larger households. The authors reveal significant differences in the determinants of overeducation among specialists and skilled workers. At the same time, no significant differences are found in the determinants of overeducation among high- and middle-level specialists. The results contribute to the investigation of the problems of imbalance in the labor market in Russia.

Keywords: rural labor market, human capital, occupation, education-occupation mismatch, overeducation.

References

- Artz, B., and Welsch, D. M. (2021) 'Overeducation and wages revisited: A two-cohort comparison and random coefficients approach', *Southern Economic Journal*, 87, pp. 909–936.
- Averkiewa, K. V. (2016) 'Labor markets and the role of *otkhodnichestvo* in the employment of rural inhabitants of Russia's Non-Chernozem Zone', *Regional Research of Russia*, 1, pp. 21–31.
- Belfield, C. (2010) 'Over-education: What influence does the workplace have?', *Economics of Education Review*, 29, pp. 236–245.

---

* The research was carried out with the plan of research work of Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project "Actors, drivers, consequences of social changes in the present-day society: theory and empirics", no. 121040100280-1.

- Bondarenko, L., and Tatarova, L. (2014) 'Rural employment and social protection of the unemployed', *Economics of Agriculture of Russia*, 2, pp. 58–65. (In Russian)
- Buchel, F., and Battu, H. (2003) 'The theory of differential overqualification: does it work?', *Scottish Journal of Political Economy*, 50 (1), pp. 1–16.
- Buchel, F., and van Ham, M. (2003) 'Overeducation, regional labour markets, and spatial flexibility', *Journal of Urban Economics*, 53 (3), pp. 482–493.
- Capsada-Munsech, Q. (2019) 'Measuring overeducation: Incidence, correlation and overlaps across indicators and countries', *Social Indicators Research*, 145, pp. 279–301.
- Chevalier, A., and Lindley, J. (2009) 'Overeducation and the skills of UK graduates', *Journal of the Royal Statistical Society A*, 172 (2), pp. 307–337.
- Danzer, A.M., and Grundke, R. (2020) 'Export price shocks and rural labor markets: The role of labor market distortions', *Journal of Development Economics*, 145, 102464.
- de Brauw, A., Huang, J., Rozelle, S., Zhang, L., and Zhang, Y. (2002) 'The evolution of China's rural labor markets during the reforms', *Journal of Comparative Economics*, 30, pp. 329–353.
- Dolton, P., and Vignoles, A. (2000) 'The incidence and effects of overeducation in the UK graduate labour market', *Economics of Education Review*, 19 (2), pp. 179–198.
- Dumas, C. (2020) 'Productivity shocks and child labor: The role of credit and agricultural labor markets', *Economic Development and Cultural Change*, 68 (3), pp. 763–812.
- Edrenkina, N.M., and Gritsenko, G.M. (2018) 'Features of formation of labor resources in rural areas of Siberia', in Petrakov, A.V. (ed.) *Agrarnaia ekonomicheskaiia nauka: istoki, sostoyanie, zadachi na budushchee. Nikonovskie chteniya — 2018. Materialy XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow: Vserossiyskiy institut agrarnykh problem i informatiki imeni A. A. Nikonova, pp. 268–270. (In Russian)
- Fields, G. S. (2009) 'Segmented labor market models in developing countries', in Ross, D. and Kincaid, H. (ed.) *The Oxford Handbook of Philosophy of Economics*. Oxford University Press, pp. 476–507.
- Foster, A. D. and Rosenzweig, A. (1996) 'Comparative advantage, information and the allocation of workers to tasks: Evidence from an agricultural labour market', *Review of Economic Studies*, 63 (3), pp. 347–374.
- Frank, R. H. (1978) 'Why women earn less: the theory and estimation of differential overqualification', *American Economic Review*, 68 (3), pp. 360–373.
- Freeman, R. B. (1976) *The Overeducated American*. New York: Academic Press.
- Gimpelson, V. E., and Kapeliushnikov, R. I. (2015) 'Polarization or upgrading? Evolution of employment in transitional Russia', *Voprosy ekonomiki*, 7, pp. 87–119. (In Russian)
- Gimpelson, V. E., Kapeliushnikov, R. I., Karabchuk, T. S., Ryzhikova, Z. A., and Bilyak, T. A. (2009) 'Choice of occupation: Where have we studied and where are we working?', *HSE Economic Journal*, 2, pp. 172–216. (In Russian)
- Gimpelson, V. E., Kapeliushnikov, R. I., and Lukiyanova, A. L. (2011) 'Educational level of Russian workers: Is it optimal, too high or insufficient?', in Gimpelson, V. E., and Kapeliushnikov, R. I. (ed.) *Rossiyskiy rabotnik: obrazovanie, professiia, kvalifikatsiia*. Moscow: HSE Publishing House, pp. 240–292. (In Russian)
- Hung, C.-Y. (2008) 'Overeducation and undereducation in Taiwan', *Journal of Asian Economics*, 19, pp. 125–137.
- Hymer, S., and Resnick, S. (1969) 'A model of an agrarian economy with nonagricultural activities', *American Economic Review*, 59 (4), pp. 493–506.
- Kalugina, Z. I. (2012) 'Inverted rural employment: practices and policy', *Region: Economics and Sociology*, 2, pp. 45–67. (In Russian)
- Kapeliushnikov, R. (2012) 'Demand and supply of skilled labor in Russia: Who ran faster? Part II', *Voprosy ekonomiki*, 3, pp. 120–147. (In Russian)
- Kapelyuk, S. D., and Lishchuk, E. N. (2020) 'The scale of overeducation in the rural labor market', *Journal of Applied Economic Research*, 19 (3), pp. 370–397. (In Russian)
- Kucel, A., Molina, I. F., and Raya, J. M. (2016) 'Over-education and its opportunity cost in Japan', *Asia Pacific Education Review*, 17, pp. 299–312.
- Kupets, O. (2016) 'Education-job mismatch in Ukraine: Too many people with tertiary education or too many jobs for low-skilled?', *Journal of Comparative Economics*, 44, pp. 125–147.
- Kuyi, N. E. (2008) 'Return to education with endogenous occupational choice: Empirical analysis for the Russian Federation', *HSE Economic Journal*, 3, pp. 365–399. (In Russian)
- Leuven, E., and Oosterbeek, H. (2011) 'Overeducation and mismatch in the labor market', in Hanushek, E. A., Machin, S., and Woessmann, L. (ed.) *Handbook of the Economics of Education*, vol. 4. Elsevier B. V., pp. 283–326.

- Lishchuk, E. N., and Kapelyuk, S. D. (2020) 'Analysis of demanded occupations: Regional issues', *Region: Economics and Sociology*, 1, pp. 119–152. (In Russian)
- Marioni, L. S. (2021) 'Overeducation in the labour market: evidence from Brazil', *Education Economics*, 29 (1), pp. 53–72.
- McGuinness, S. (2006) 'Overeducation in the labour market', *Journal of Economic Surveys*, 20 (3), pp. 387–418.
- Mueller, J. T. (2021) 'The dual dependency of natural-resource-rich labor markets in contemporary society', *Sociological Theory*, 39 (2), pp. 81–102.
- Nefedova, T. G., and Mkrtchyan N. V. (2018) 'Regional differences of placing and forecasting labor resources of Russian agriculture', *Studies on Russian Economic Development*, 29 (1), pp. 62–71. (In Russian)
- Obiols-Homs, F., and Sanchez-Marcos, V. (2018) 'Education outcomes and the labor market', *Labour Economics*, 54, pp. 14–28.
- Park, J. (2018) 'Overqualification among aboriginal workers in Canada', *The International Indigenous Policy Journal*, 9 (1), pp. 1–24.
- Plusnin, J., Pozanenko, A., and Zhidkevich, N. (2015) 'Seasonal work (otkhodnichestvo) as a new social phenomenon in modern Russia', *Mir Rossii*, 24 (1), pp. 35–71. (In Russian)
- Plusnin, J., Zausaeva, J., Zhidkevich, N., and Pozanenko, A. (2013) *Otkhodniks (Wandering workers)*. Moscow: Novyy Khronograf Publ. (In Russian)
- Ranis, G., and Stewart, F. (1993) 'Rural nonagricultural activities in development: Theory and application', *Journal of Development Economics*, 40, pp. 75–101.
- Rerat, P. (2014) 'Highly qualified rural youth: why do young graduates return to their home region?', *Children's Geographies*, 12 (1), pp. 70–86.
- Rossen, A., Boll, C., and Wolf, A. (2019) 'Patterns of overeducation in Europe: The Role of Field of Study', *IZA Journal of Labor Policy*, 9 (3), pp. 1–48.
- Stuken, T. (2018) 'The quality of employment of graduates on regional labour markets', *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2, pp. 33–39. (In Russian)
- Vahey, S. P. (2000) 'The great Canadian training robbery: Evidence on the returns to educational mismatch', *Economics of Education Review*, 19 (2), pp. 219–227.
- Varshavskaya, E. (2017) 'Skilled workers on the rural labor market: Supply vs. demand', *Moscow University Economics Bulletin*, 3, pp. 25–42. (In Russian)
- Varshavskaya, E. (2021) 'Overqualification of Russian employees: scale, determinants, consequences', *Sociological Studies*, 11, pp. 37–48. (In Russian)
- Vasiakina, M., and Robone, S. (2018) 'Education-job mismatch as a determinant of health: Evidence from the Russian Federation', *Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica*, 72 (4), pp. 101–112.
- Velikiy, P. P. (2010) 'Neotkhodnichestvo, or superfluous people of the modern village', *Sociological Studies*, 9, pp. 44–49. (In Russian)
- Wu, N., and Wang, Q. (2018) 'Wage penalty of overeducation: New micro-evidence from China', *China Economic Review*, 50, pp. 206–217.

Received: 09.11.2020

Accepted: 17.02.2022

Authors' information:

Sergey D. Kapelyuk — PhD in Economics, Associate Professor; skapelyuk@bk.ru
Elena N. Lishchuk — PhD in Economics, Associate Professor; anele@ngs.ru

Устойчивость результатов по сокращенной выборке

Детерминант недоиспользования образования	Уровень образования		
	Высшее образование	Среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена	
Иностранное гражданство	0,041	0,105	
Обучение по очной форме	-0,089	0,118	
Нахождение на пенсии по возрасту, выслуге лет	0,014 [*]	0,000	
Нахождение на пенсии по инвалидности	0,032 [*]	0,045	
Ведение домашнего хозяйства	0,006	0,065	
Число членов домохозяйства	0,001	0,002	
Количество детей	0,008 ^{***}	0,006 [*]	
Дополнительная работа	0,012	0,035	
Личное подсобное хозяйство для собственного потребления	0,010 ^{**}	0,008	
Личное подсобное хозяйство на продажу	0,014	-0,028	
Образовательный уровень — бакалавр	0,012 ^{**}	X	
Пол и семейное положение (базовая категория — неженатые мужчины)	замужние женщины	-0,101 ^{***}	-0,207 ^{***}
	незамужние женщины	-0,094 ^{***}	-0,188 ^{***}
	женатые мужчины	-0,023 ^{***}	-0,033 ^{***}
Возраст (базовая категория — 40–44 года), лет	15–19	X	-0,082 [*]
	20–24	-0,001	0,035 [*]
	25–29	0,004	0,036 ^{**}
	30–34	0,015 ^{**}	0,033 ^{***}
	35–39	0,015 ^{**}	0,028 ^{**}
	45–49	0,003	-0,017 [*]
	50–54	0,010	-0,040 ^{***}
	55–59	-0,000	-0,067 ^{***}
	60–64	0,012	-0,084 ^{***}
	65–69	0,005	-0,058 ^{***}
70 и старше	0,049 ^{**}	-0,001	

Детерминант недоиспользования образования		Уровень образования	
		Высшее образование	Среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена
Число лет с момента окончания учебного заведения (базовая категория — 11–20 лет)	0	0,029 [*]	–0,108 ^{***}
	1	0,005	–0,147 ^{***}
	2	0,029 ^{***}	–0,075 ^{***}
	3–5	0,020 ^{***}	–0,051 ^{***}
	6–10	0,016 ^{***}	–0,020 [*]
	21–30	0,005	0,050 ^{***}
	31–40	0,007	0,099 ^{***}
	41 и более	0,027 [*]	0,158 ^{***}
Общие характеристики модели	число наблюдений	27 227	30 139
	R-квадрат Мак-Фаддена	0,139	0,248
	статистика Вальда	2200,86	8897,30
	значимость статистики Вальда	0,000	0,000
	среднее значение зависимой переменной	0,085	0,281

Примечание. Зависимая переменная — недоиспользование образования (1 — да, 0 — нет). СПО — среднее профессиональное образование; ЛПХ — личное подсобное хозяйство; X — неприменимо к данному уровню образования; * — предельные эффекты значимы на уровне 10%; ** — предельные эффекты значимы на уровне 5%; *** — предельные эффекты значимы на уровне 1%.